

**ТҮРКОЛОГИЯ ЖӘНЕ АЛТАИСТИКАНЫҢ ӨЗЕКТІ
МӘСЕЛЕЛЕРІ: ТАРИХ, АНТРОПОЛОГИЯ, ТІЛ БІЛІМІ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЮРКОЛОГИИ И
АЛТАИСТИКИ:
ИСТОРИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**ACTUAL ISSUES OF TURKOLOGY AND ALTAY STUDIES:
HISTORY, ANTHROPOLOGY AND LINGUISTICS**

АБЖАНОВ Х.М., д.и.н., профессор, директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, г. Алматы, Республика Казахстан

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОКИ ИСТОРИКО-ДУХОВНОЙ ОБЩНОСТИ

1. **Памятники письменности – гордость древнетюркской цивилизации.** Каждый народ вправе гордиться достойными сыновьями и их творениями, своей историей и следом в ней. Своим многосложным прошлым, вобравшим в себя и мгновения блестящих побед, и горькие уроки потер, гордимся и мы – казахи, узбеки, киргизы, туркмены, уйгуры и другие этносы Центральной Азии. Для нас вечными ценностями и неповторимыми составляющими нашей национальной истории, ее звездными страницами являются сакский зверийный стиль в искусстве, научные наследия Аль-Фараби, Авиценны, М. Кашкари, Улугбека и Чокана Валиханова, архитектурные шедевры и древние города, фольклор и музыка Евразийского пространства, произведения Мухтара Ауэзова, Чингиза Айтматова, Самеда Вургуня, Берды Кербебаева и многое другое.

Выдающиеся достижения хозяйственно-культурной, социально-политической практики и интеллектуальных поисков народов Центральной Азии на протяжении многих веков достойно обогатили и органично вписались в систему мировых цивилизаций. Среди них особое место занимает культура письма. Речь идет о рунической письменности VI – VIII веков, первые образцы которой датируются I тысячелетием до н.э. Совершенно прав казахский поэт, тюрколог О. Сулейменов, заявляя: «Даже если бы кочевники не создали ничего другого, кроме этих нескольких орхонских и енисейских текстов, они могли бы с полным правом требовать места среди народов, которые внесли значительный вклад в мировую культуру» (Suleimenov 1990, s. 41).

Камни с загадочными надписями, обнаруженные в Сибири, впервые стали известны европейцам в XVII веке. XVIII век принес новые открытия. В XIX веке Енисейские надписи пополнились памятниками с побережья Орхона, что в Монголии. В среде ученых-лингвистов Европы началась нешуточная конкуренция за разгадку тайн древности. Некоторые из них старались доказать принадлежность памятников к грекам, германцам, финнам, кельтам и др. народам. Наконец, ключ к тайнам рунических надписей нашел датский ученый Вильгельм Томсен. Это случилось в 1893 году. Дешифровка древнетюркских надписей на каменных изваяниях перевернула представление «передовой» Европы конца XIX века об «отсталой» Азии.

На сегодняшний день науке известно около 500 орхоно-енисейских памятников древнетюркской цивилизации. Часть из них обнаружена на юге Казахстана и она вошла в тюркологию под названием Таласские памятники (Sartkozhauly 2012, s. 280).

Высеченные XIII-XV веков тому назад на камне слова как по словарному запасу, так и по своему духу и содержанию вполне понятны современным казахам и киргизам, узбекам и азербайджанцам, уйгурам и туркам. Вот подтверждающие примеры из надписи в честь легендарного полководца VIII века Кюльтегина.

Оригинал:

Бенгу таш токытдым, бітідім
Аны көріп, анча білің

Казахский перевод:

Мен мәңгітас тіктім (тұрғыздым),
Бұны көріп біліңдер!

Русский перевод:

Вечный камень (я) поставил
Видя все это, знайте (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s.191).

Оригинал:

Үзе түрк теңрісі

Түрк ыдук иірі, субы
Анча тіміс:
Түрк бүдүн йоқ болмазун тійін
Бүдүн болчун тійін
Қаным Елтеріс қағанығ
Өгім Ілбілге катунығ
Теңрі төпесінде тұтып
Иегерү көтерміс ерінч

Казахский перевод:
Көкте түркі тәңрісі
Түркінің қасиетті жері-суы
Былай депті:
Түркі халқы жоқ болмасын дейін
Халық болсын дейін
Әкем Елтеріс қағанды
Шешем Елбілге катынды
Тәңрі төбесіне ұстап
Жоғары көтерген екен

Русский перевод:
Вверху Тенгри тюрков,
Тюркская Священная Земля и Вода
так сказали:
«Да не погибнет тюркский народ,
пусть будет народ»!
Сказав так, Тенгри отца моего
Эль-терис-кагана и мать мою
Эль-бильге-катун, подняв над головой
[благословив их], возвысил (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s.187).

Орхоно-енисейские памятники содержат богатейшую информацию по истории государств и народов Евразийского континента, Центральной Азии, Китая. Надписи на камнях – это квинтэссенция мировоззрения, ценностных ориентиров, образа жизни, религиозных представлений древних тюрков. Композиционно и по сюжетным линиям они близки к эпическим произведениям, таким, как «Алпамыс», «Манас», «Огуз-наме», давно вошедшим в золотой фонд устной литературы современных тюркских народов. Именно по этой причине советские ученые долго спорили относительно жанра и статуса древнетюркских памятников. Одни видели в них ранние образцы литературы Востока, другие относили их в разряд источников по истории тюркских народов. О. Сулейменов писал: «Какой замечательный литературный язык сохранили надписи, высеченные на гигантских стелах, сооруженных в VIII веке на берегах Орхона и Енисея! Это язык гибкий и могущественный, способный в совершенстве выражать мощные чувства и передавать самые тонкие нюансы поэтической мысли.

Письменный литературный язык является первой отличительной чертой государственности... Язык древних кочевников дошла до наших дней во всем блеске своей грамматической структуры и своего лексического богатства, воплощаясь в живые тюркские языки ...» (Suleimenov 1990, s. 41).

Никоим образом не отрицая выводы, оценки и заключения наших предшественников, мы утверждаем: Орхоно-Енисейские памятники письменности – это выдающееся достижение интеллектуального освоения действительности, прообраз Конституции и государственно-правового решения проблем древнетюркской эпохи, гражданский, финансовый, уголовный, трудовой кодексы тех времен. Надписи на камнях отражают своеобразие и особенности политического строя, социальной структуры, времени и пространства, выражают их сущностные черты, интересы, менталитет, передают нормы и принципы отношений и связей между человеком, природой и обществом. В них кроются причины и истоки многих явлений, событий и фактов, определивших судьбы тюркских народов и государств в последующем.

2. Древние тюрки о сотворении мира, кагане и «Вечном эле». Государство древних тюрков – Тюркский каганат образовался в 552 г. Его первым правителем был Бумын. После него на каганском троне сидели Истеми, Муқан, Бильге и др. В VII-VIII веках Тюркский каганат распался на несколько государств.

Древние тюрки имели своеобразное представление о происхождении жизни, об обществе, человеке и природе. По их убеждению, окружающий мир появился в строгой хронологической последовательности. Вначале были сотворены голубое небо и бурая земля. Затем между ними возникли человеческие сыны. Наконец, над человеческой общностью возвысились каганы. Причем голубое небо олицетворяло высшую созидательную силу – Тенгри, которая вершила судьбами конкретного человека, народов, государств и каганов.

В социальной стратификации и официально признанной титулатуре древнетюркского общества – каган первая величина. В надписях не раз утверждается, что управлять государством и народом каганы предназначены самим Тенгри. Однако, признавая особое, неземное, тенгрианское происхождение каганов, древние тюрки относились к ним вполне адекватно и реалистично. Считали, что в разные периоды истории их государством управляли как мудрые, достойные, мужественные каганы, так и «неразумные, плохие» каганы. В целом, каган воспринимался в качестве символа и источника власти, гаранта благополучия и безопасности страны. Соответственно высокие требования предъявлялись к личности кагана. Он должен был обладать такими качествами, как мудрость, справедливость, глубокое знание военного дела, дипломатии, умение находить и выдвигать на государственные должности способных и талантливых людей. Главная и конечная цель деятельности кагана во главе государства раскрыта в следующих словах надписи в честь Кюльтегина:

Благодаря милости Тенгри и потому, что был удачлив, везуч,

я возродил
к жизни погибающий мой народ;
одел раздетый народ,
бедный народ сделал богатым,
малочисленный народ сделал
многочисленным. В государстве,
в каганате, потерявшем покой,
я установил мир (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 188).

Не является секретом, что все вышеперечисленные успехи VIII века по сей день составляют главные направления деятельности и политического курса руководителей тюркских государств.

Для древних тюрков, отдавших должное главе государства, все же высшими ценностями признавались сохранение государственности, защита свободы и независимости страны, ее граждан. Они мечтали создать «Мэнгі ел» - «Вечную страну». «О, тюркский народ, – читаем у Кюльтегина, – когда ты идешь в ту сторону, то находишься на краю гибели. Когда же ты, находясь в Отюкенской земле, посылаешь караваны за данью, то у тебя совсем нет горя. Если ты будешь жить в Отюкенской черни, то жил бы ты, созидавая свое вечное государство» (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 191).

Отюкен – название священной местности, своеобразная столица древнетюркского государства. Стало быть, благополучие и стабильность в государстве связано прежде всего с устойчивостью и компетентностью центральной власти. Только взаимопонимание между властью и народом делает государство вечным. Коль государство тюркское призвано существовать вечно, вечными должны быть и его символы, в т.ч. камни с надписями. Так они и назывались – «Мэнгі тас» - «Вечные камни». Разумеется, в данном случае имелись ввиду не сам камень, а высеченные на них слова, заветы, советы и установки будущим потомкам. В малой надписи в честь Кюльтегина есть такие строки:

Все, что я хотел сказать,
вырезал на этом вечном камне.

Тюркские народы, беки!

Вы вместе со своим народам
(всем лагерем) всегда делаете

ошибки [перед] духом трона (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 191).

Впрочем, предвидение Кюльтегина сбылось. Во-первых, вечный камень на самом деле стал объектом вечного научного изучения, во-вторых, пик расцвета государства древних тюрков приходится на годы жизни Кюльтегина. В-третьих, после кончины великого полководца VIII века его государство распалось. Единый тюркский мир канул в Лету.

3. Слово и ученье. В государстве Бумына, Кутлыга, Кюльтегина и Тоньюкука – отцов–основателей древнетюркского социума очень высоко ставились значение и сила влияния слов. На каменных изваяниях многократно подчеркивается полифункциональное назначение слов. Их

авторы строго следили за правильностью и точностью своих высказываний, ибо не сомневались, что эти крылатые выражения переживут века, по ним строят свою жизнь грядущие поколения. Ответственное и бережное отношение к словам как к историческому факту и духовному богатству еще раз подтверждает интеллектуальную зрелость общества. Оно предопределило социально-политический статус авторов, с одной стороны, глубину и содержание текста – с другой. В памятниках, установленных в честь каганов, полководцев, содержались размышления о судьбах государства, народа, армии, о международных отношениях, территориальной и иной безопасности. Когда речь шла об ученых, учителях, дипломатах, идеологах, то в первую очередь поднимались вопросы образования и воспитания, нравственности и морали, охраны и использования духовно-культурного наследия. Культ слова и такое же отношение к нему у древних тюрков предельно ясно выражены в следующих строках:

От кагана табгачей пригласил резчиков.

[Они] высекли мои слова.

Табгачский каган прислал внутренних [дворцовых] резчиков.

Им я поручил построить храм с рисунками.

Внутри, снаружи я велел покрыть стены красивой резьбой,

Водрузить камень (памятник).

Сокровенные мои слова были высечены.

Вы потомки (народа) Он-ок и чужеземцев,

Видя все это, знайте: вечный камень я велел воздвигнуть
(Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 191).

Впрочем, признание как созидательных, так и разрушительных свойств слова сохранилось в общественном сознании и у современных казахов – потомков древних тюрков. «Өнер алды – кызыл тіл» («Из всех искусств первейшим является красноречие, ораторство»), «Отыз тістен шыққан сөз отыз рулы елге тарайды» («Слово, выроненное сквозь тридцати зубов, распространяется в среде тридцати народов»), «Ойнасаң да ойлап сөйле» («Даже шутя, говори осмысленно»), гласят казахские пословицы.

В системе историко-духовных ценностей древнетюркского общества заметное место занимали учебные заведения. По всей видимости, умение читать и писать не было чуждо широкому кругу населения. Педагогическая традиция давно минувших эпох посвящала своим ученикам целые научные трактаты. До нас дошла «Книга гаданий», рукопись которой ныне хранится в Британском музее. Она была написана в год барса второго месяца пятнадцатого числа (т.е. 17 марта 930 года или 4 марта 941г.) учителем из обители «Великого облака» для учеников Исиг Сангуна и Ита Чука. Труд является системным изложением сути и принципов идеологии, приоритетов и задач внутренней политики государства, направленных на обеспечение стабильности и мира в обществе. Здесь, комментируя многочисленные примеры жизненных ситуаций, увиденных якобы во сне, автор убеждает молодежь уважать трон кагана, беречь богатство страны и собственность.

Ему импонирует трудолюбие граждан. Учитель давно минувших дней призывает искренно любить родную землю, природу, окружающую среду. Ему дороги мир и согласие в семье, правильное воспитание детей. Учит молодежь смотреть в будущее с оптимизмом, осуждает воровство. В сравнительно-сопоставительном ключе дает ответы на вопрос «что хорошо, что плохо» «Говорят: (некий) сын, рассердившись на своих родителей, ушел из дома, - читаем в «Книге гаданий» – но затем после многих лет скитаний вернулся домой. Он сказал: да получу я наставления моей матери, да услышу я слова моего отца». Или «Говорят: я змея с золотой головой. Когда золотое мое чрево порезали мечом, мое тело (лежало) с наружи у дороги. Что же касается моей головы, (то ее положили) с наружи дома, у дороги. Знайте так – это дурно!». По утверждению тюрколога К. Сарткожаулы, эти строки напоминают слова Зикир казахских баксы (шаманов – А.Х.) (Sartkozhauly 2012, s. 140).

О значимости учебных заведений в жизни тюркского общества свидетельствует также тот факт, что и каганы, и знаменитые полководцы в надписях сообщают, когда и где они учились. Так, надпись в честь Тоньюкука начинается словами: «Білге Тоньюкук бен өзүм табгач іліне кылыңтым. Түрк бүдүн табгачка көрүр ерті». Перевод: «Я мудрый Тоньюкук, воспитывался в стране табгачей. В те времена тюркский народ был в подчинении у табгачей» (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 31).

Уважительное отношение к учителям было присуще и каганам, и рядовому гражданину. В Суджинском памятнике от имени хана Яклакара сообщается о щедрых подарках, принесенных учителю-наставнику. Своих сыновей хан призывает в судьбоносных поступках быть похожими на своего учителя.

Образование и воспитание, высоко подняв авторитет культуры, знания и мысли, сыграло не последнюю роль в формировании древнетюркской цивилизации. Она обеспечило преемственность идей и поколений, служило источником роста интеллектуального потенциала страны. Эти ценности получили широкое развитие в советское и постсоветское время. За годы независимости тюркские государства Центральной Азии осуществили кардинальные реформы в области образования и науки. Они имеют целью достижение высокой конкурентоспособности страны и населения в эпоху глобализации.

4. Обычай и традиции. Формула родства. Важнейшим элементом социокультурных ценностей древних тюрков являлись их обычаи и традиции. Они наравне с Законами обеспечивали соблюдение баланса интересов, гармонизировали отношения между людьми, поколениями, властными структурами, руководителями и подчиненными. Проведение свадеб, рождение ребенка, смерть человека, подготовка военных походов, празднование победы над врагом - все это сопровождалось отправлением обычаев и традиций. В центре историко-духовной жизни стоял человек. Яклакар-хан не без гордости говорит о том, что женил трех сыновей, выдал замуж без калыма трех дочерей. «Бай ертім, ағлым он, йылкым сансыз ерті ...

кызымын калыңсыз біртiм», высечено на камне. Перевод: «Богат я, сараев у меня десять, лошадей несметное количество. Дочерей выдал без калыма». О пышной свадьбе детей элиты сообщается в памятнике в честь Бильге-кагана: «Я отдал кагану тюргешей свою дочь. Ему, равному (достойному), вернул верховную власть. Дочь тюргешского кагана, верховную власть, равную [достойную] кагана, передал своему сыну» (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 265).

В надписях в честь Бильге-кагана и Кюльтегина подробно описаны похоронные обычаи. По ним можно сделать несколько выводов. Во-первых, от момента кончины известной личности до ее погребения не существовало временного ограничения. Так, Бильге-каган умер 26 числа десятого месяца 734 года, а похоронен был 27 числа пятого месяца 735 года. Во-вторых, траурная церемония проходила с участием большого количества гостей из дальнего и ближнего зарубежья. В-третьих, участники траура одаривали близких и родственников покойного драгоценностями, быстроногими скакунами, иными подарками. В-четвертых, оплакивая покойника, как прибывшие, так и близкие родственники вырывали волосы, наносили раны на свое лицо. В-пятых, в дни траура произносились прощальные речи, в которых перечислялись достоинства и лучшие качества покойника. В-шестых, траур по покойному продолжался целый год. «Кюльтегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день, –говорится в большой надписи.– Двадцать седьмого [числа] девятого месяца мы устроили похороны. Храм, скульптуру, камень с надписью – все мы освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцатый день. Кюльтегин умер в сорок семь лет» (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 190).

Эти доисламские реликты и поведения в основном и главном сохранились до сих пор. Они сегодня стали объектом и предметом специального научного познания.

Древние тюрки считали, что судьбу человека, его жизнь и смерть предопределяет Тенгри. В то же время они не отрицали значения активной жизненной позиции личности, ее созидательно-познавательную деятельность. Хорошее деяние субъекта истории поощряется Тенгри, за плохое деяние он подвергается наказаниям со стороны Тенгри, считали наши предки. Дух вождей и лидеров почитали соразмерно заслугам. На каменных изваяниях высечены имена только тех каганов и исторических личностей, которые внесли достойный вклад в создание и укрепление Вечного эля.

Позитивное понимание человеческого фактора в истории, а также господство специфического хозяйственно-культурного типа, требующего органичного и слаженного коллективизма, объективно актуализировали механизмы родственных связей и этнической идентичности.

Родственниками считались не только близкие по материнской или отцовской линии, но и подчиненные кагану высокопоставленные чиновники, военачальники, должностные лица. В надписи в честь Кюльтегина перечислены те, к кому обращают свои слова великий полководец: «мою речь слушайте до конца (полностью): следующие за (мной) мои младшие

родичи, мои сыновья, союзные мне племена (и) народы, (стоящие) справа беки шадапыт, (стоящие) слева беки тарханы (и) приказные. Народ (и) беки токуз-огузов». В другом месте этого же памятника круг родственников расширяется: «Моя мать - катун, мои сводные матери, мои тетки, мои невестки, мои младшие сестры (княжны)» (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 190).

Иначе говоря, родственные связи вышли далеко за пределы правящего дома. Близкими считались тюркские этносы и племена, т.е. в числе кровных родственников токуз-огузы оказались не случайно. Здесь подчеркивается этническая идентичность древнетюркского племени. Генетическая и этническая общность осознавалась ими настолько глубоко, что она выражалась словами «наш тюрк», «мой собственный народ». Хотя между тюрками нередко случались конфликты и столкновения:

Тюргешский каган был из моих тюрков

Из-за непонимания, из-за ошибок был убит.

Беки его, полководцы его тоже убиты (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 187).

Отношение древних тюрков к народам дальнего и ближнего зарубежья, этнически и генетически не связанных с ними, носило, говоря современным языком, протокольный, часто настороженный характер. Даже табгачей, китаизированных тюрков, не признавали своими, считая их обманщиками, лживыми, соблазнителями. Следовательно, духовно-культурное освоение действительности осуществлялось далекими предками современных тюркских народов на принципах «Свой-Чужой», «Мы-Они». При этом всемерно утверждалась незыблемость власти и собственности, без которых не достижимы, по идеологии древних тюрков, расцвет и безопасность страны.

5. Социальная структура и титулатура. Основную массу населения в древнетюркском обществе составлял «Кара будун» – рядовой трудовой народ. Его руками и разумом создавались материальные, идейные, моральные и духовные устои государства. В ту эпоху, когда многие вопросы внешней политики и международных отношений решались силой оружия, огромное значение имели обороноспособность страны, а именно людские ресурсы, военное искусство и военная мысль. Слава и мощь древнетюркской державы умножалась на основе военных успехов. Покоренные народы и территории, по словам Тоньюкука, «желтого золота, белого серебра, девушек (и) женщин, верблюдов (и) сокровищ (даров) доставили без ограничения». Надписи на камнях свидетельствуют, что древние тюрки достаточно глубоко разбирались в вопросах стратегии наступления и обороны, материально-технического и продовольственного снабжения армии, внезапного захвата противника, обхода, преследования отступающих сил, организации военной разведки, обеспечения единства фронта и тыла, подготовки и использования военных специалистов. Верховным главнокомандующим Вооруженных Сил был каган. Под руководством и при непосредственном участии его осуществлялись подготовка военного похода, объявление войны, назначение

на должности, присвоение воинских званий, распределения трофеев. Древние тюрки внимательно следили за общественно-политической ситуацией в стране вероятного противника, широко опирались на данные разведки и дипломатии, изучали сильные и слабые стороны армии враждебной страны и её военачальников. Достижения военной мысли эпохи Бумына, Кюльтегина, Тоньюкука позже успешно применялись великим Чингисханом и его преемниками.

Древние тюрки выдвинули из своей среды целую плеяду интеллектуалов и специалистов. Имена и деяния отдельных личностей вошли в анналы мировой истории. Статус и состав ранней общности интеллигенции зафиксированы на каменных изваяниях, что тоже подтверждает её высокую миссию и народное признание. По содержанию и значимости труда каждая группа интеллигенции обозначилась собственным названием. Каганы, тарханы, беки, т.е. политическая элита общества удостоивалась дефиниции «мудрые, мужественные, гигантские люди». Их управленческие промахи и ошибки дорого обходились стране и народу. Как грозное предупреждение звучит тезис о том, что если «один человек ошибался, [тогда] все поколение его подчиненного народа до колыбели страдало» (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 190).

Как не вспомнить в этой связи известные события в Бишкеке, приведшие к отставке президентов Киргизии А. Акаева и К. Бакиева.

Высшее военное руководство вычленено термином «хозяин войны», «хозяин армии». Оно подчинялось непосредственно кагану. Полномочия и компетенции военачальника раскрыты в высеченных на памятнике словах Тоньюкука:

Тогда [и] советником был я,

[и] предводителем был я.

Эль-терис-кагану,

Тюрк Богу-кагану,

Тюрк Бильге-кагану...

Капаган-каган воссел [на престол] в 27 [лет].

Ночью не спал, днем не сидел.

Я проливал свою красную кровь,

стекал (лился) мой черный пот.

Я отдавал все труды и силы.

В дальние набеги также я сам отправлял (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 320).

Дипломатический корпус интеллигенции обозначился дефиницией «елші» (посол). Задействованные в спецслужбы люди назывались «тілді» (говорящий) и «көрік» (видящий). Занятые идеологическим обеспечением практических дел в государстве составляли группу «жаршы» (глашатай), архитекторы и строители образовали группу «бедіші».

Имеющиеся данные пока не позволяют проследить социальное развитие и демографический портрет интеллигенции той эпохи. Ясно одно: древние тюрки приветствовали укрепление интеллектуального потенциала

общества. В частности, освобождение от табачного ига они связывали с количественным и качественным ростом «мудрых, смелых, гигантских людей», военачальников.

На памятнике Кюльтегину написано:

«Мой отец-каган выступил с семнадцатью войнами.

Все, услышав [о том],

что за пределами собираются,

жители города поднялись в горы,

те, кто жил в горах,

спустились вниз.

Собралось семьдесят воинов. [Так как]

Тенгри дал (им) силу,

то войско моего отца-кагана

было подобно волку, а враги его были

подобны овцам.

Двигаясь, то вперед,

то назад, собирал

войско, поднимал [народ].

И стало их всего семьсот воинов.

Семьсот воинов, собравшись,

обустроили народ,

народ, утративший государство;

народ, потерявший кагана;

народ, оставшийся без власти, народ,

который превратился в рабов и рабынь,

восстановили, как во времена власти моих предков (Zholdasbekov, Sartkozhauly 2006, s. 187).

Социальное разнообразие сопровождалось, конечно, ростом своеобразия и особенностей в образе жизни, поведении, миропонимании групп и слоев людей. Но на определенном этапе истории их сплачивала общность языка, письма, территории и государства.

Историко-духовное наследие древних тюрков многогранно. Оно богато неповторимыми чертами и свойствами. Его лучшие достижения перешагнули века. В них – истоки истории, культуры, менталитета современных тюркских народов. Сегодня молодые независимые государства Центральной Азии, возрождая обычаи и традиции тех далеких времен, возвращая имена исторических личностей, не только восстанавливают справедливость и нравственность, но и прокладывают путь к единству и процветанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. – Астана: Күлтегін, 2006. - 360 с.
2. Сарткожаулы К. Генезис древнетюркского рунического письма. – Алматы: Абзал-Ай, 2012. – 280 с.

3. Сулейменов О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. – Алма-Ата: Жалын, 1990. - С.41.